

ОТЗЫВ официального оппонента
на диссертацию на соискание ученой степени
кандидата филологических наук Матвеевко Екатерины Алексеевны
на тему: «Лингвотекстологическое исследование двух переводов
«Метаморфоз» Овидия Петровской эпохи с польского языка»
по специальности 5.9.5 – «Русский язык. Языки народов России»

Среди многочисленных переводов Петровской эпохи выбранный Е.А. Матвеевко в качестве объекта исследования выделяется по нескольким параметрам. Во-первых, большинство переводных текстов начала XVIII века были научно-техническими или учебными; переводы художественной литературы на общем фоне единичны. Во-вторых, речь идет о переводе одного из известнейших произведений античной литературы, в дальнейшем неоднократно переводившемся на русский язык. Фактически для русской культуры это первый перевод столь объемного светского художественного произведения, первая попытка передать памятник литературы такого масштаба средствами русского языка. Эти обстоятельства определяют несомненную **актуальность** представленного исследования, вносящего вклад в разработку проблемы влияния Овидия и его поэмы на русскую культуру.

На наш взгляд, представленное Е.А. Матвеевко исследование наглядно показывает, какое внимание уделялось на раннем этапе переводу «Метаморфоз» и отчасти проясняет причины, по которым это предприятие не было доведено до завершения – подготовки печатного издания. **Новизну** работы обуславливает целый ряд выявленных фактов языкового порядка, позволяющих судить о стадиях редактирования перевода, в первую очередь – об их впечатляющем количестве. Один из основных выводов текстологической части исследования, убедительно **обоснованных** и подтвержденных анализом фактов, – утверждение о том, что списки как ранней, так и поздней редакции «первого» перевода не связаны друг с другом

отношениями «антиграф — список», и как следствие этого – необходимость предполагать промежуточные протографы, отделяющие сохранившиеся списки от архетипа. Для ранней редакции это позволяют предполагать несовпадающие ошибки двух известных списков, а в отношении поздней Е.А. Матвеевко предполагает, что в ее ходе редакторами «была проведена многослойная и иногда как будто разнонаправленная правка» (ч. II, с. 162). **Достоверность** этого и ряда более частных выводов не вызывает сомнений: все положения подкреплены в работе продуманно отобранным и детально проанализированным перечнем языковых особенностей перевода. Выявленная множественность редакторских правок хорошо отражает объективные сложности, с которыми пришлось столкнуться русским переводчикам и редакторам при работе с текстом Овидия. И в то же время это, по-видимому, говорит об исходивших от официальных лиц настойчивых требованиях перевода «Метаморфоз» на русский язык, редактирование которого растянулось на длительный срок, но в конечном счете так и не устроило заказчиков.

Степень обоснованности научных положений и выводов текстологического исследования, проведенного Е.А. Матвеевко, соответствует требованиям, предъявляемым в диссертациях. Из объемного источника автор исследования отбирает только контексты, содержащие те или иные «очевидные следы исправлений» – зачеркнутые и надписанные слова, вклейки и др. Автор сравнивает маркированные таким образом места перевода по всем имеющимся спискам обоих рассматриваемых переводов, что позволяет точно установить текстологические отношения между ними и в частности независимость двух переводов друг от друга. Вместе с тем, можно указать на методологическую непоследовательность Е.А. Матвеевко, характеризующую рассмотрение материала в п. 2.2 Главы 2 работы. В этом параграфе, на наш взгляд, параллельно рассматривается правка двух типов. В соответствии с проблематикой главы, описано «исправление случайных ошибок списывания и разного рода вторичное редактирование» –

выявляемое в тексте по следам исправлений. Но вместе с этим Е.А. Матвеевко описывает в качестве дополнительного комментария к контекстам и прочие разночтения между списками одной редакции и разными редакциями перевода. Например, для контекста (2) на с. 81, который привлек внимание надписанным слогом *no*, комментируется также различие окончаний инфинитива *истребить* / *истребити* в разных списках; для контекста (5) на с. 105, примечательного глоссой *счастлиное* к слову *ласковое*, описаны особенности глагольных форм, показывающие разную степень близости текста в разных редакциях к польскому оригиналу; в контексте (9) на с. 122 отмечена надписанная над строкой словоформа *котогаго*, но при этом также описаны другие расхождения в тексте списков и редакций, не связанные с эксплицитной правкой – в том числе «пропущенную» в словоформе *пустится* (инфинитив) букву (хотя в данном случае правильнее, видимо, говорить об орфографическом варианте записи финали инфинитива в виде *-тсия*) и т.д.

Представляется, что два разных объекта сравнения – видимая в списке правка и прочие разночтения списков – выгоднее смотрелись бы в работе с разнесением на разные параграфы. Их совмещение несколько затрудняет чтение, а дополнительно рассмотренные разночтения форм в контекстах не влияют на выводы, сформулированные для собственно исправлений, ради которых контекст был взят в рассмотрение.

Перспективной для исследования текстологии перевода, но не до конца раскрытой в работе проблемой нам представляются разночтения при повторях фрагментов основного текста, повторяемых в разделе толкований (этому посвящен п. 1.2 Главы 2). Приведенные Е.А. Матвеевко примеры показывают, что эти разночтения носят не случайный характер: во всех трех рассмотренных случаях один из вариантов является более буквальным (лексически и по порядку слов) переводом польского оригинала. Чтение *дерево^m мой^m совершенно будешь* в толковании очевидно буквально повторяет польское *drzewem tym pewnie będziesz*, в отличие от фразы в

основном тексте *moimь конечно будешь дерево*^m (ч. I, с. 46) с измененным порядком слов и уточненным переводом *rewnie*. Таким образом, разночтения при повторах отдельных синтагм при толковании, возможно, являются маркером одного из слоев правки, при которой основной текст более последовательно редактировался (с устранением буквализма), а повтор при толковании оставался при этом нетронутым и фиксировал более ранний вариант перевода. Для уверенных выводов в любом случае необходима более представительная выборка примеров.

Для текстологической истории перевода, возможно, не случайным является факт, отмеченный Е.А. Матвеевко в лингвистической части работы при анализе конструкций с местоимением *который* и повтором референта. Один из выводов, к которому приходит автор, состоит в том, что в поздней редакции перевода «половина таких конструкций... была устранена, в том числе все самостоятельно введённые в ранней редакции» (ч. II, с. 74). Это наблюдение вступает в некоторое противоречие с общим выводом в диссертации о том, что «текст поздней редакции уже не сверялся с польским оригиналом и редактировался не как переводной» (ч. II, с. 163). Полное устранение не поддержанных оригиналом конструкций как будто бы предполагает обращение к оригиналу. В совокупности с отмеченными в Части I исправлениями, которые «вносились как будто бы с учётом текста польского оригинала» (с. 154), эта особенность может относиться к одному из слоев правки, при котором оригинал всё же привлекался. В итоговых выводах эти факты, на наш взгляд, тоже следовало бы упомянуть.

Из лингвистических особенностей переводов с наибольшей полнотой в Части II диссертации Е.А. Матвеевко описаны выбранные для анализа грамматические параметры. Большой интерес для исторической грамматики представляют уточненные данные по использованию конструкции с *было* и *л*-формой в «первом» переводе (с. 9–11), выявленные во «втором» переводе факты смешения перфектных связок *есть* и *суть* (с. 37), случаи сохранения согласования частицы *было* с *л*-формой (с. 39–40), две парадигмы

сослагательного наклонения (с. 59). Спорной, на наш взгляд, является интерпретация ошибочного характера форм с пропуском конечного *л* в списке РГАДА Ф.181. № 671/1183 (с. 21): при увеличении активности аориста в поздней редакции, к которой принадлежит этот список, квалификация «ошибочных» форм как аористных, кажется более естественной. Дополнительного комментария в работе при описании форм сослагательного наклонения требует рассмотрение предложений с союзами *дабы* и *чтобы* как содержащих частицу *бы* (с. 48, 51 и др.). Такую интерпретацию следовало бы подкрепить диахроническим комментарием о времени возникновения союзов *дабы* и *чтобы* в русском языке.

Выводы, сделанные автором на лексическом материале переводов, представляются вполне обоснованными, хотя заметна определённая неполнота в рассмотрении лексики, обусловленная, по-видимому, большим объёмом анализируемого текстового материала. Например, при отдельном рассмотрении «некоторых лексических особенностей» ранней редакции первого перевода и второго перевода нет аналогичного рассмотрения особенностей поздней редакции первого перевода. Описание можно было бы дополнить, например, описанием устранённых при редактировании лексических полонизмов.

Ранняя редакция «первого» перевода охарактеризована Е.А. Матвеевко как содержащая «незначительное» количество полонизмов (с. 92) на общем фоне активной полонизации языка в Петровскую эпоху. При описании в числе прямых калек с польского оригинала отмечены только слова *вынурятися, приоск, шаленый, кишкание, базант* и *хороба* (с. 78), оформленные как законченный список. Однако, по нашим наблюдениям, таких слов в переводе заметно больше. В частности, часто используются катойконимы польского вида – *афинчик, бахейчик, лацедемончик, сидончик, вебанчик, эрихтенчик* и др.; встречаются и другие транслитерированные полонизмы, в основном устранённые в поздней редакции: *заток, крогулец, лускатый, мешанец, мотоног, подарунок, щека* в знач. ‘подбородок’, гапакс

из книги В. Отвиновского *похилобрежистый* и др. При специальном поиске и сравнении редакций это количество будет только вырастать.

Подробное рассмотрение в работе отдельных лексем – на сопоставительном фоне данных исторических словарей польского, белорусского, украинского и русского языков – в ряде случаев можно скорректировать или дополнить библиографически.

Первые употребления слова *цка* (= *дска*) (с. 89–90), по-видимому, относятся к более раннему времени, чем это следует по данным словаря И.И. Срезневского. Фактически такая форма образовалась в результате выпадения корневого редуцированного, произошедшего не позднее XIV века (ср. А.А. Зализняк в словаре, приложенном к его описанию языка берестяных грамот, обозначает начальную форму слова как *дска*). Транслитерация польского *dzięciol* в русском переводе (с. 105) явно присутствует в форме женского рода (*во птицу его дзе^нциолу обратила*), хотя в работе начальная форма дана в мужеском роде. Не вполне корректно описание этимологии глагола *шпынять* (с. 91): в работе говорится, что его «предлагается считать преобразованием давнего заимствования *шпиль*», тогда как у Фасмера (на словарь которого даётся при этом ссылка) этот комментарий относится к существительному *шпынь*. Слово *гусли* как соответствие для польского *cytra*, передающего лат. *cithara* и восходящее этимологически к нему (с. 81–82) использовалось для перевода греч. *κίθάρᾱ* ещё в старославянском переводе Паримейника (см.: Новак М.О. Названия музыкальных инструментов в древнерусских паримейниках XII–XIV вв. // Вестник ВолГУ. Серия 2, Языкознание. 2021. Т. 20. № 6. С. 22), поэтому, по-видимому, являлось традиционным средством перевода. Наличие слова *велерыбь* (с. 102) в Псалтыри в переводе А. Фирсова отмечается также в работе 2006 г. (Богданов К.А. О крокодилах в России. Очерки из истории заимствований и экзотизмов. М., 2006. С. 203). Комментарий к слову *олбримь* (с. 113) мог быть расширен при обращении к публикации: Круглов В.М. Пять уточнений к «Словарю русского языка XVIII века» // Slověne. 2017. № 2. С. 679–680; в

частности автор фиксирует лексему по СЛУМ XV–XVIII ст., что не отмечено в диссертации.

В качестве сопоставительного фона для рассмотрения мифологической лексики можно было бы порекомендовать издание: *Словарь антропонимов в русской панегирической поэзии XVIII века / науч. ред. С.С. Волков, Е.М. Матвеев, М.Г. Шарихина. СПб., 2022*; и связанную тематически со словарем коллективную монографию: *Антропонимы в русской словесной культуре XVIII века / под ред. П.Е. Бухаркина, С.С. Волкова и Е.М. Матвеева. СПб., 2023*. В исследованиях А.Е. Трофимова (с. 67) и Е.М. Матвеева (с. 139–141), вошедших в данную монографию, имена античных персонажей приведены в табличной форме – сопоставимой с материалами диссертации, приведёнными в Приложении 1.

Рассмотрение в работе слов, начинающихся на буквы алфавита после П, с более активным привлечением данных картотеки Словаря русского языка XVIII века, позволило бы автору диссертации описать лексический состав перевода равномернее. В частности, эти данные показывают активность использования в первой половине столетия таких вышедших впоследствии из употребления слов, как *тестамент*, *трутизна*, *фарба*, *фортель*; употребление до конца века слова *прикрый* в значении ‘неприятный’ и др. Кроме того, из новых поступлений в картотеку на алфавит до буквы П выявляются релевантные для исследования Е.А. Матвеевко факты – в частности, использование слова *жродло* в переводе «Географии генеральной» 1718 г. одним из редакторов рассмотренного в работе «первого» перевода.

Вместе с тем, указанные замечания не умаляют значимости диссертационного исследования. Диссертация отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М.В. Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует паспорту специальности 5.9.5 – «Русский язык. Языки народов России» (по филологическим наукам), а также критериям, определенным

пп. 2.1-2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова, а также оформлена согласно приложениям № 5, 6 Положения о диссертационном совете Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Таким образом, соискатель Екатерина Алексеевна Матвеевко заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.5 – «Русский язык. Языки народов России».

Официальный оппонент:

доктор филологических наук,
ВЕДУЩИЙ НАУЧНЫЙ СОТРУДНИК Отдела русской исторической лексикологии и лексикографии Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Институт лингвистических исследований РАН» (ФГБУН ИЛИ РАН)

МОЛЬКОВ Георгий Анатольевич

Специальность, по которой официальным оппонентом
защищена диссертация:

10.02.01 – Русский язык

Адрес места работы:

199053, Санкт-Петербург, Тучков переулок, д. 9,
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт лингвистических исследований РАН» (ФГБУН ИЛИ РАН)